

ВОСПОМИНАНИЕ

К мохнатым сваям шел приборой,
 волна в порту
 медуз
 качала.
 Вот мы и встретились с тобой,
 а все не верилось сначала.
 И вся моя слепая жизнь
 с того мгновенья,
 с той минуты
 приобрела покой и высь,
 уйдя от ярости и смуты.
 Но кто узнает до конца
 неясных,
 тайных сил движенье?
 Едва заметная ленца
 всегда грозит ворваться ленью.
 Я полюбил старинный дом,
 колодец
 с крышкой ржавой жести.
 Вода была в колодце том
 всегда,
 как сплетница,
 на месте.
 Я крышку тихо поднимал.
 Она на петельках скрипела.
 И, поднимая,
 понимал,
 что это,
 может быть,
 не дело.
 Но мой туманный,
 странный лик
 смотрел встревоженно из глуби.
 И ощущал я:
 мир велик.
 Он есть не только там,
 где любят.
 Скорее крышку опустить?
 Но,
 опустив на место крышку,
 уже не мог я позабыть
 прозренья
 яркое,
 как вспышку.
 В начале всех моих начал,
 ты помнишь?—
 в дни желанья славы

нам старый лодочник кричал
 под грохот ветра:
 «Эй, куда вы?..»
 Трещало старое весло,
 но счастье —
 быть всегда счастливым
 —
 неудержимо нас несло
 на спину зыбкого залива.
 И там,
 где жизнь и смерть сошлись,
 как будто в поединке — близко —
 я полюбил вторично жизнь
 на грани мужества и риска.
 Но глядя в тот нелегкий час.
 Как ты сидела
 не бледнея,
 разрез твоих веселых глаз
 я полюбил
 всего сильнее.
 Кипенье Невки под мостом,
 Залива бешеная пена,
 когда вошел я в старый дом,
 позабывались постепенно.
 И если бы не странный лик,
 глядящий смутно из колодца,
 я б навсегда к тебе приник
 с умершей жаждою
 бороться.
 Но с той минуты,
 с той поры,
 как бы с разбойничьего свиста,
 житейства тихие дворы
 мне стали тихо ненавистны.
 И вот — на горе ль,
 на беду,
 на смерть иль мужество,
 не знаю,
 я вдаль ушел, сказав:
 «Уйду!»—
 и отворилась даль сквозная.
 Да, мир велик.
 Прекрасен он.
 Но все во мне перемешалось,
 как ветры с четырех сторон:
 любовь и гнев,
 восторг и жалость.

Скользит луны сыпучий блик,
скрипят,
как бочки,

ледоставы.
И слышу я далекий крик
под грохот ветра:
«Эй, куда вы!...»

Засыпан снегом перевал,
леса примолкли под снегами...

Недавно вновь я побывал
в местах,
что были полны нами.
Все так же в сваи бил прибой,
волна в порту
медуз
качала...

Вот и расстались мы с тобой,
а все не верилось сначала...

* * *

Как много окон равнодушных
внимает горестям твоим.
Как много радостей послушных,
что мы в неизвестности храним.

А время мчится, время мчится.
И снится мне порой ночной,
как будто белый снег кружится,
над белой-белой головой...

Ты плачешь. Как тяжело мне видеть
глаза твои, полные слез.
Да разве хотел я обидеть,
когда одиночество нес?

Да разве и раньше — для вида,
для дела ли злобность была!
Была и осталась обида,
но не было, не было зла.

Холодное время настало,
шумят над горами дожди.
Уже я пошел с перевала
с великой печалью в груди.

А следом, из дали далекой,
над белым свеченьем берез

маячат за мной одиноко
глаза твои, полные слез.

Счастливые люди не плачут.
О чем горевать в их судьбе!
Ты плачешь, родная, и значит
еще я не умер в тебе.

Куда деваться мне с моей тоскою?
Кому признаться в горести любой?
Уже в моей судьбе не за горою,
убита и осмеяна любовь.
Тяжелый снег колыхнется над нами,
Ты тихо спишь.
А я в минуты те,
как пьяница, ищу под фонарями
то, что утратил где-то в темноте.
И, потеряв надежду на надежду,
как в доме с развороченным венцом,
сiju в снегу глубоком,
словно между
лицом проклятья

и твоим лицом.

Ты тихо спишь.
Над крышами струится
тяжелый снег — холодный и глухой.
Ты сладко спишь.
И пусть тебе приснится,
что все в порядке,

милая,
со мной...